

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

№ 14(52) Июль 2017 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ.....	3
1. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ НА 2017–2019 ГОДЫ: РОСТ НЕ ВЫШЕ 1–1,5% (Т.Горшкова, С.Дробышевский, М.Турунцева, М.Хромов)	6
2. ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС РФ ВО II КВАРТАЛЕ 2017 ГОДА: САЛЬДО СТАЛО ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ (А.Божечкова, А.Кнобель, П.Трунин).....	11
3. ИНДЕКС АДАПТАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВО II КВАРТАЛЕ 2017 ГОДА: ОЦЕНКИ «НОРМАЛЬНЫЕ» (С.Цухло)	16
4. ДОХОДЫ И УРОВЕНЬ БЕДНОСТИ: СТАГНАЦИЯ И ОСТОРОЖНЫЙ ОПТИМИЗМ (Е.Гришина).....	19
АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА	24

Мониторинг подготовлен коллективом экспертов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Института Гайдара), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Минэкономразвития России.

Редколлегия: Дробышевский С.М., Кадочников П.А., Мау В.А., Синельников-Мурылев С.Г.

Редакторы: Гуревич В.С., Колесников А.В.

Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2017. № 14 (52). Июль / Божечкова А., Горшкова Т., Гришина Е., Дробышевский С., Кнобель А., Трунин П., Турунцева М., Хромов М., Цухло С. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Кадочникова П.А., Колесникова А.В., Мау В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Всероссийская академия внешней торговли. 24 с. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2017_14-52_July.pdf

При частичном или полном использовании материалов ссылка на источник обязательна.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

Почти все официальные (ЦБ РФ, Минэкономразвития России) и экспертные прогнозы последних лет содержат, в частности, оговорку: они составлены исходя из предположения о сохранении антироссийских санкций. Такой консерватизм выглядел оправданным. Однако после окончательного (и, видимо, неизбежного) принятия в США нового санкционного пакета придется исходить не только из конъюнктурного усиления санкций, но и приобретения ими институционального характера. Причем их сравнение с известной поправкой Джексона-Вэника слабо отражает и происходящее, и возможное.

Помимо долговременного влияния на сами российско-американские отношения потребуются особо выделить экстерриториальный эффект этих санкций, который придан им сознательно и в беспрецедентных, по сути, масштабах. Для целого ряда стран, особенно в Европе и Азии, это может стать вызовом, как станет им и для отдельных компаний, а также конкретных проектов. Более того, уже стало, если судить по готовности учитывать американское законодательство, тут же проявленной европейскими регуляторами и компаниями. «Долгота» и «широта» этих санкций становится понятной на далеко не самом актуальном сегодня примере действующего «Голубого потока», по которому российский газ уже много лет поставляется в Турцию: если японская, турецкая, итальянская и т.д. фирма захочет поучаствовать в его будущем ремонте, профилактических работах, даже консультациях по этому поводу, то ей прежде следует оценить возможные последствия попадания в «черный список». Все эти потенциальные последствия придется оценивать также с позиций текущей и будущей российской внутри- и внешнеэкономической политики, возможных рыночных эффектов и с учетом не только политических реалий, но и экономических закономерностей.

На этих закономерностях основан и макроэкономический прогноз наших экспертов на 2017–2019 гг. Отмечая, что 1-ое полугодие 2017 г. дало разнонаправленные сигналы в отношении перспектив, они не сомневаются в реальности происходящего экономического роста. Вместе с тем обращают внимание на негативный характер прогнозов в аграрном секторе, испытавшем влияние непогоды, а также снизившиеся цены на нефть. В итоге, как отмечают эксперты, они разрабатывали свой трехлетний прогноз с учетом усиления факторов неопределенности. В основной, инерционный сценарий, заложена цена нефти Urals на уровне 50 долл./барр. в 2017 г. и 55 долл. – в 2018–2019 гг., а в консервативный – 45,6 долл. в этом году и 40,8 и 41,6 долл. в 2018 и 2019 гг. соответственно.

В обоих сценариях прогнозируется рост ВВП в 2017–2019 гг. в реальном выражении. В консервативном варианте – 0,9, 0,8 и 0,7% соответственно по годам, в основном – 1,3, 1,4 и 1,2%. Оба сценария предполагают и сопоставимое с ростом ВВП увеличение инвестиций, что, однако, позволит лишь компенсировать выбытие части основных фондов

вследствие естественной амортизации. Несколько по-иному выглядит прогноз реальных располагаемых денежных доходов домохозяйств. По итогам нынешнего года в консервативном сценарии они продолжают сокращаться (-0,2%), но растут в инерционном (+0,4%). В 2018–2019 гг. они возрастают в любом варианте, хотя в консервативном медленнее: на 1,0 и 0,4% по сравнению с ростом на 1,6 и 1,5% в основном (рост в консервативном сценарии объясняется более низкой базой 2017 г. и вероятной бюджетной поддержкой населения в год президентских выборов).

Прогноз исходит из предпосылки, что Банку России удастся удержать инфляцию в пределах 4%-го таргета. Однако в консервативном сценарии, предполагающем давление на цены со стороны курса рубля и при большей неопределенности в экономике, таргет достигается за счет более жесткой денежно-кредитной политики, включая сохранение высоких реальных ставок. В инерционном сценарии базовая ставка ЦБ постепенно снижается, а доступность кредита растет. При сохранении заданных внешних условий и политики свободного плавания рубля, его среднегодовой номинальный курс к доллару прогнозируется на уровне 58,4, 59,4 и 58,8 руб. соответственно по годам, а в консервативном варианте – 59,6, 66,5 и 64,8 руб. Однако даже при реализации консервативного варианта внешних условий и падении цен на нефть ниже 45 долл./барр. эксперты не считают вероятным устойчивое снижение курса до примерно 70 руб. за доллар. Это, однако, создает риски недобора в ближайшую трехлетку нефтегазовых доходов в федеральный бюджет.

Отмечая, что они по-прежнему не видят реальных факторов роста экономики выше уровня 1,0–1,5% в год, и полагая, что прогнозируемые как ими, так и Минэкономразвития темпы роста не могут рассматриваться как приемлемые, эксперты подчеркивают, что в этих условиях чрезвычайно важным шагом стало бы принятие новой программы экономических реформ.

Как и авторы прогноза, эксперты, анализирующие платежный баланс РФ, исходят из предпосылки сохранения плавающего курса рубля. Они не высказывают опасений в связи с уходом в минус текущего счета платежного баланса. Эксперты приходят к выводу, что во II квартале этого года сальдо счета текущих операций стало отрицательным (-0,3 млрд долл. по сравнению с +23,3 млрд долл. в I квартале) в основном в связи с сезонными факторами. Прежде всего, речь идет о росте выплат инвестиционных доходов за границу и импорте услуг, в первую очередь туристических. Сказалось также укрепление рубля, что стимулировало импорт подешевевших товаров. Таким образом, ухудшились три основных баланса, определяющих счет текущих операций.

Однако в условиях плавающего курса рубля это не несет серьезных рисков: курс постепенно корректируется, удорожая импорт и вновь «выравнивая» баланс. Если укрепление рубля в первые месяцы 2017 г. было обусловлено прежде всего ростом положительного сальдо текущего счета, то переход сальдо в отрицательную область привел к ослаблению рубля. По экспертным оценкам, при сохранении условий торговли приблизительно на текущем уровне некоторое ослабление рубля вновь вызовет стабилизацию текущего счета на уровне около нуля.

Стабильное поведение макроэкономических показателей (во всяком случае, отсутствие резких всплесков инфляции или радикальных девальваций национальной валюты) – безусловно, в числе причин относительной удовлетворенности российских промышленников

существующим положением. Традиционный замер уровня адаптации предприятий к текущим реалиям (данные за II квартал 2017 г.) свидетельствует, что соответствующий индекс – доля оценок ситуации как «нормальной» – находится на абсолютном максимуме (76%) за все время исследований с 1994 г. В том числе такой чувствительный показатель, как спрос, 64% производителей воспринимает как нормальный (максимум за последние девять лет). Правда, ситуация не однородна: среди крупнейших предприятий (с численностью занятых более 1000 чел.) доля удовлетворенных ситуацией стабильно высокая (во II квартале она достигла максимума в 80%), в то время как индекс адаптации малых и средних предприятий (менее 250 чел.) все последние десять кварталов не превышает 55–60%.

Оценки зависят и от должностного уровня респондентов. Руководители экономических подразделений после роста скептических оценок в 2015 г. сегодня воспринимают положение своих предприятий гораздо лучше (доля «нормальных» оценок – 75%). Заместители директоров были достаточно оптимистичны весь кризисный период (сегодня 78%). И, наконец, директора проделали путь от 59% в 2015 г. до 72% в минувшем квартале.

Определенный позитив в оценке своего положения стали проявлять и обычные граждане. Доля экономящих на еде, покупке одежды и обуви снизилась, как и тех, кто считает, что за последние два-три месяца их материальное положение ухудшилось. Наши эксперты объясняют это, в том числе, адаптацией к вялотекущему кризису либо стагнации, а также небольшой позитивной динамикой ряда социальных показателей.

В июне 2017 г. реальные располагаемые денежные доходы населения впервые не сократились (по сравнению с соответствующим месяцем 2016 г.). До сих пор, с начала прошлого года, динамика только ухудшалась (в январе 2017 г. произошло повышение благодаря единовременной выплате пенсионерам). В целом за 1-ое полугодие этого года (по сравнению с тем же периодом 2016 г.) реальные доходы сократились на 1,4%, при этом реальная зарплата увеличилась на 2,7%. Однако устойчивый рост реальной зарплаты (происходящий с прошлогоднего августа) не смог компенсировать сокращение доходов.

Это может быть связано с целым рядом причин. Во-первых, с существованием так называемых статистических ловушек: данные по зарплате и доходам опираются на различные методы наблюдения, нередко требуют дооценок и т.д. Во-вторых, рост реальных зарплат пока не восстановился до докризисных уровней (в мае 2017 г. она составляла 96,1% от мая 2014 г.). А реальный размер назначенных пенсий в мае 2017 г. – лишь 91,9% от мая 2014 г. (и 100,0% от мая 2016 г.). Реальные размеры социальных пособий снижались еще в большей степени, чем пенсии. В-третьих, сокращение доходов на фоне роста наблюдаемой зарплаты может свидетельствовать о снижении зарплат в неформальном секторе (или о частичном перераспределении ненаблюдаемого фонда оплаты труда в наблюдаемый). Однако, отмечают эксперты, какие-либо окончательные выводы на основе динамики лишь месячных показателей делать сложно, не говоря уже о периодических пересчетах, которые постфактум производит Росстат.

Если исходить из этих посылок, то, вероятно, и снижение в I квартале 2017 г. (по сравнению с 2015–2016 гг.) доли населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня до 15% нужно признать лишь предварительной оценкой. ●

1. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ НА 2017–2019 ГОДЫ: РОСТ НЕ ВЫШЕ 1–1,5%

Т.Горшкова, С.Дробышевский, М.Турунцева, М.Хромов

Итоги 1-го полугодия 2017 г., с одной стороны, подкрепляют высказанные ранее предположения о начале фазы роста экономики. С другой, они свидетельствуют о повышении уровня неопределенности относительно будущих условий и перспектив развития. Мы ожидаем на протяжении ближайших двух с половиной лет позитивную динамику основных макроэкономических показателей, а также выполнение таргета по инфляции. Однако крайне низкие темпы роста экономики и хрупкость внешних условий создадут высокий риск недобора доходов федерального бюджета.

Первое полугодие 2017 г. дало разнонаправленные сигналы относительно результатов и перспектив экономического развития РФ. С одной стороны, данные Росстата и альтернативных источников подтверждают несомненный рост российской экономики (реальный ВВП за I квартал увеличился на 0,5%, индекс промышленного производства за полугодие составил 102,0% к 1-му полугодью 2016 г.). С другой стороны, неблагоприятные погодные условия, наблюдавшиеся в европейской части РФ, отрицательно влияют на прогноз в сельском хозяйстве, которое в последние годы стало одним из локомотивов роста. Снизившаяся во II квартале цена на нефть усиливает фактор неопределенности. Таким образом, при разработке прогноза на ближайшие три года, который должен учитываться при анализе нового трехлетнего бюджета на соответствующий период, мы вынуждены расширить диапазон изменения внешних условий и пересмотреть принятые ранее предпосылки.

Тем не менее в основном сценарии экономического развития до 2019 г., который мы назовем *инерционным*, мы будем исходить из предположения, что среднегодовая цена на нефть марки Urals составит 50 долл./барр. в 2017 г. (факт I квартала – 52 долл./барр., II квартал – 48,9 долл./барр.) и поднимется до 55 долл./барр. в 2018 и 2019 гг. По сравнению с предыдущим прогнозом¹ мы снизили прогнозную цену нефти в 2018–2019 гг., но даже при таком снижении условия внешней торговли для российской экономики в ближайшие два с половиной года будут более благоприятными, чем в 2016 г. В качестве альтернативного – *консервативного* – сценария мы рассматриваем вариант с динамичной ценой на нефть, заданной в базовом сценарии Минэкономразвития России: среднегодовая цена нефти марки Urals предполагается равной 45,6 долл./барр. в 2017 г. и 40,8 и 41,6 долл./барр. в 2018 и 2019 гг. соответственно. Этот сценарий, по нашему мнению, отражает нижнюю границу вероятных внешних условий развития.

¹ Аверкиев В., Дробышевский С., Турунцева М., Хромов М. Макроэкономический прогноз на 2017–2018 гг.: ставка на слабый рубль себя не оправдывает // Экономическое развитие России. № 5. 2017. С. 3–9.

По обоим сценариям в 2017–2019 гг. прогнозируется рост экономики в реальном выражении. В инерционном сценарии в 2017 г. рост реального ВВП предполагается на уровне 1,3%, в 2018 г. – на 1,4% и в 2019 г. – на 1,2%. В консервативном сценарии прогнозируемый рост несколько ниже: 0,9, 0,8 и 0,7% соответственно.

Прирост индекса промышленного производства в инерционном сценарии составит в 2017–2019 гг. соответственно 1,1, 1,9 и 1,8; в консервативном – 0,8, 0,8 и 0,6%. Основные причины более медленного роста в консервативном сценарии связаны с более низкими темпами роста доходов и соответственно конечного спроса.

Динамика инвестиций в основной капитал будет в целом соответствовать динамике ВВП в обоих сценариях – постоянный ежегодный рост, более высокий в инерционном сценарии и более низкий в консервативном. В обоих сценариях темпы роста инвестиций ожидаются выше, чем темп роста ВВП, и, со статистической точки зрения, *именно динамика инвестиций будет основным драйвером роста в ближайшие годы*. В 2017 г. прогнозируемый прирост инвестиций в основной капитал составит 2,1%, в 2018–2019 гг. – 2,1 и 1,9%. В консервативном сценарии мы ожидаем рост инвестиций в 2017–2019 гг. на уровне 1,5, 1,2 и 1,1% соответственно. Однако такие темпы могут позволить лишь компенсировать выбытие части основных фондов вследствие естественной амортизации. Значит, говорить о начале инвестиционной фазы роста преждевременно.

Уровень безработицы в рамках инерционного сценария прогнозируется равным 5,1, 5 и 4,8% в 2017, 2018 и 2019 гг., а в рамках консервативного – 5,2, 5,4 и 5,2%. То есть можно говорить о закреплении безработицы на уровне около 5% независимо от рассматриваемого сценария, поскольку доминирующим в любом случае оказывается эффект от общего сокращения численности экономически активного населения. Уровень безработицы, таким образом, остается стабильным, но при этом количество занятых в экономике сокращается.

Реальные располагаемые денежные доходы домашних хозяйств в 2017 г., по нашим оценкам, вырастут в инерционном сценарии (+0,4%) и продолжат сокращаться (-0,2%) в консервативном. В 2018–2019 гг. в инерционном сценарии располагаемые доходы населения вырастут на 1,6 и 1,5% соответственно, а в консервативном варианте – на 1,0 и 0,4%. Рост реальных доходов в консервативном сценарии объясняется в первую очередь более низкой стартовой точкой после их падения в 2017 г. и более вероятной в этом случае бюджетной поддержкой населения в год президентских выборов.

Оборот розничной торговли в инерционном сценарии будет отражать динамику доходов. В 2017 г. его объем не изменится по сравнению с предыдущим годом, а в 2018–2019 гг. он возобновит рост на уровне 1,4 и 1,5% соответственно. В консервативном сценарии мы ожидаем стагнацию потребления, оборот розничной торговли будет сокращаться в реальном выражении на 0,1, 0,6 и 0,4% соответственно.

При прогнозировании индекса потребительских цен мы исходили из предпосылки, что Центральному банку России удастся удержать инфляцию в пределах таргета (4,0%) на протяжении рассматриваемого периода. Очевидно, что в консервативном сценарии в условиях давления на инфляцию со стороны курса рубля и более высокой неопределенности в

экономике таргет может быть достигнут за счет проведения более жесткой денежно-кредитной политики, выражающейся в сохранении высоких реальных ставок. В инерционном сценарии Банк России проводит политику постепенного снижения базовой ставки, и таким образом ценовая доступность кредита для заемщиков повышается. Индекс потребительских цен в инерционном сценарии составит 4,1, 3,9 и 3,6% в 2017, 2018 и 2019 гг. соответственно. В консервативном сценарии – 4,1, 4,1 и 4%. Номинальная процентная ставка по кредитам нефинансовому сектору в инерционном сценарии будет равна 10,5, 10,4 и 8,1% в 2017, 2018 и 2019 гг., а реальная – 6,1, 5,1 и 4,5%. В консервативном сценарии номинальная ставка будет равна 10,7% в 2017 г., 16,4% – в 2018 г. и 11,1% – в 2019 г., а реальная – 6,4, 11,8 и 7,0%. Соответственно показатели роста денежных агрегатов в консервативном сценарии также будут более скромные, чем в инерционном сценарии.

При заданных внешних условиях и сохранении политики свободного плавления, согласно нашим расчетам, среднегодовой обменный курс рубля к доллару составит 58,4 руб./долл. в 2017 г., 59,4 руб./долл. – в 2018 г. и 58,8 руб./долл. – в 2019 г. Реальный эффективный курс соответственно вырастет на 10,2% в 2017 г. и на 0,5% – в 2019 г., а в 2018 г. останется неизменным.

В рамках консервативного сценария прогнозируемый номинальный обменный курс составит 59,6 руб./долл. в 2017 г., 66,5 руб./долл. – в 2018 г. и 64,8 руб./долл. – в 2019 г. При таком варианте развития событий волатильность реального эффективного обменного курса возрастет: в 2017 г. он также укрепитя, но на 7,5%, после чего в 2018 г. ослабнет на 1,8%, а в 2019 г. снова вырастет в пределах 1,2%. Тем не менее даже при реализации консервативного варианта внешних условий и падении цен на нефть ниже 45 долл./барр. мы не считаем вероятным устойчивое снижение курса рубля до уровня в районе 70 руб./долл. Это, в свою очередь, создает риски недобора нефтегазовых доходов в федеральный бюджет в ближайшую трехлетку.

Поскольку даже в консервативном сценарии среднегодовые цены на нефть в 2017 г. выше, чем в 2016 г., и реальный курс рубля укрепляется, по нашим расчетам, будет наблюдаться рост объемов экспорта и импорта. Экспорт товаров в инерционном сценарии вырастет до 327,5 млрд долл. в 2017 г., до 333,0 млрд долл. – в 2018 г. и до 337,4 млрд долл. – в 2019 г. В консервативном сценарии в 2017 г. экспорт вырастет до 325,1 млрд долл. и снизится в 2018 и 2019 гг. до 319,8 и 324,2 млрд долл. соответственно. Импорт товаров в 2017 г. вырастет до 187,4 млрд долл. в рамках инерционного сценария и до 184,2 млрд долл. – в рамках консервативного. В 2018 г. прогнозируемый объем импорта вырастет до 199,4 и 191,2 млрд долл. в инерционном и консервативном сценариях соответственно, а в 2019 г. – до 219,2 млрд долл. в инерционном сценарии и до 206,2 млрд долл. – в консервативном. В обоих сценариях мы предполагаем разовый рост экспорта услуг примерно на 2,5 млрд долл. в 2018 г. в связи с проведением в России чемпионата мира по футболу.

Мы по-прежнему не видим реальных факторов роста экономики выше уровня 1,0–1,5% в год. Очевидно, что прогнозируемые и нами, и Минэкономразвития России темпы роста не могут рассматриваться как приемлемые. В этом контексте чрезвычайно важным шагом стало бы принятие новой программы экономических реформ, которая позволит ускорить рост экономики и расширить возможности, в том числе, и для бюджетного маневра.

Таблица

Инерционный сценарий	2017					2018 год прогноз	2019 год прогноз
	I кв. факт	II кв. факт/ прогноз	III кв. прогноз	IV кв. прогноз	год прогноз		
Urals, долл./барр.	52,0	48,9	48,7	50,5	50,0	55,0	55,0
ВВП							
млрд руб.	20 091	21 843	24 424	25 732	92 090	97 182	102 030
индекс физ. объема в % к соответствующему периоду предшествующего года	100,5	101,3	101,5	101,8	101,3	101,4	101,2
дефлятор	106,3	105,5	105,9	105,0	105,6	104,1	103,7
Инвестиции в основной капитал							
индекс физ. объема	102,3	101,6	101,9	102,4	102,1	102,1	101,9
Оборот розничной торговли							
% к соотв. периоду предшествующего года	98,2	100,0	100,3	101,5	100,0	101,4	101,5
Реальные располагаемые денежные доходы							
% к соотв. периоду предшествующего года	99,7	99,8	100,0	102,1	100,4	101,6	101,5
Экспорт							
млрд долл.	93,4	89,2	91,5	99,1	373,2	382,3	381,9
<i>В том числе</i>							
Экспорт товаров	82,1	78,4	79,4	87,7	327,5	333,0	337,4
<i>Нефтегазовый экспорт</i>	49,0	41,1	42,1	46,9	179,1	183,5	186,2
<i>Прочий экспорт</i>	33,1	37,2	37,3	40,8	148,4	149,5	151,2
Экспорт услуг	11,3	10,8	12,2	11,4	45,7	49,4	44,6
Импорт							
млрд долл.	63,9	63,0	66,2	70,7	263,8	282,7	306,5
<i>В том числе</i>							
Импорт товаров	47,6	43,6	44,9	51,3	187,4	199,4	219,2
Импорт услуг	16,3	19,4	21,3	19,4	76,4	83,3	87,3
ИПЦ							
% к предыдущему периоду	101,0	101,1	100,5	101,4	104,1	103,9	103,6
Ставка по кредитам в рублях в среднем за период, % годовых							
реальная	6,9	6,2	5,6	5,8	6,1	5,1	4,5
номинальная	11,5	10,6	9,8	10,1	10,5	10,4	8,1
Обменный курс доллара к рублю							
средний номинальный за период	59,2	57,1	59,0	58,4	58,4	59,4	58,8
Реальный эффективный курс рубля							
На конец периода в % к концу предшествующего периода	9,2	1,2	-1,7	1,5	10,2	0,0	0,5
Денежная база							
трлн руб.	11,5	11,5	11,7	12,8	12,8	13,0	13,3
Денежная масса (M2)							
На конец периода, трлн руб.	38,6	38,1	38,8	41,4	41,4	44,1	46,6
прирост, % к пред. периоду	0,4	-1,3	2,0	6,6	7,7	6,6	5,8
ИПП							
% к соответствующему периоду предшествующего года	100,1	101,0	101,6	101,8	101,1	101,9	101,8
Безработица							
%	5,6	5,3	4,8	4,9	5,1	5,0	4,8

Консервативный сценарий	2017					2018 год прогноз	2019 год прогноз
	I кв. факт	II кв. факт/ прогноз	III кв. прогноз	IV кв. прогноз	год прогноз		
Urals, долл./барр.	52,0	48,9	40,6	41,0	45,6	40,8	41,6
ВВП							
млрд руб.	20 091	21 821	24 170	25 312	91 394	95 830	100 206
индекс физ. объема в % к соответствующему периоду предшествующего года	100,5	101,3	100,8	100,9	100,9	100,8	100,7
дефлятор	106,3	105,4	105,5	104,2	105,3	104,0	103,8
Инвестиции в основной капитал							
индекс физ. объема	102,3	100,9	101,2	101,6	101,5	101,2	101,1
Оборот розничной торговли							
% к соответствующему периоду предшествующего года	98,2	100,0	100,3	101,3	99,9	99,4	99,6
Реальные располагаемые денежные доходы							
% к соответствующему периоду предшествующего года	99,7	99,6	99,8	100,1	99,8	101,0	100,4
Экспорт							
млрд долл.	93,4	87,4	90,3	98,3	369,4	367,5	366,3
<i>В том числе</i>							
Экспорт товаров	82,1	77,4	78,9	86,8	325,1	319,8	324,2
<i>Нефтегазовый экспорт</i>	49,0	40,6	41,6	46,4	177,7	171,1	173,8
<i>Прочий экспорт</i>	33,1	36,7	37,2	40,4	147,4	148,7	150,4
Экспорт услуг	11,3	10,1	11,4	11,5	44,3	47,7	42,1
Импорт							
млрд долл.	63,9	61,6	64,8	70,3	260,6	268,1	285,4
<i>В том числе</i>							
Импорт товаров	47,6	42,2	43,5	50,9	184,2	191,2	206,2
Импорт услуг	16,3	19,4	21,3	19,4	76,4	76,9	79,2
ИПЦ							
% к предыдущему периоду	101,0	101,1	100,5	101,4	104,1	104,1	104,0
Ставка по кредитам в рублях в среднем за период, % годовых							
реальная	6,9	6,7	5,6	6,3	6,4	11,8	7,0
номинальная	11,5	11,1	9,7	10,5	10,7	16,4	11,1
Обменный курс доллара к рублю							
средний номинальный за период	59,2	57,1	61,4	60,7	59,6	66,5	64,8
Реальный эффективный курс рубля							
На конец периода в % к концу предшествующего периода	9,2	1,2	-4,3	1,7	7,5	-1,8	1,2
Денежная база							
трлн руб.	11,5	11,4	11,5	11,6	11,6	10,8	11,2
Денежная масса (M2)							
На конец периода, трлн руб.	38,6	38,1	38,5	40,4	40,4	42,6	45,1
прирост, % к предшествующему периоду	0,4	-1,3	1,0	4,9	5,1	5,4	5,9
ИПП							
% к соответствующему периоду предшествующего года	100,1	100,8	101,3	101,0	100,8	100,8	100,6
Безработица							
%	5,6	5,3	4,9	5,1	5,2	5,4	5,2

2. ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС РФ ВО II КВАРТАЛЕ 2017 ГОДА: САЛЬДО СТАЛО ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ

А.Божечкова, А.Кнобель, П.Трунин

Во II квартале текущего года счет текущих операций платежного баланса РФ оказался отрицательным. Это стало результатом увеличения импорта товаров вследствие укрепления рубля, сезонного роста импорта услуг и выплат инвестиционных доходов при стагнации экспорта товаров после прекращения роста цен на нефть. В результате укрепление рубля в июне сменилось его ослаблением.

В соответствии с опубликованной Банком России предварительной оценкой платежного баланса сальдо счета текущих операций во II квартале 2017 г. составило –0,3 млрд долл. (по сравнению с +2 млрд долл. во II квартале 2016 г. и +23,3 млрд долл. в I квартале 2017 г.). Такое изменение обусловлено ухудшением трех основных балансов, определяющих счет текущих операций.

Во-первых, в апреле–июне произошло снижение торгового товарного баланса. Во II квартале 2017 г. он составил 24,8 млрд долл., снизившись на 28% по сравнению с 34,4 млрд долл. в I квартале 2017 г. (правда, это больше на 11% по сравнению с 22,3 млрд долл. во II квартале 2016 г.) (рис. 1).

В целом за 1-е полугодие 2017 г. стоимостные объемы экспорта существенно выросли, но главным образом за счет роста экспортных цен на поставляемую Россией продукцию (нефть, нефтепродукты, каменный

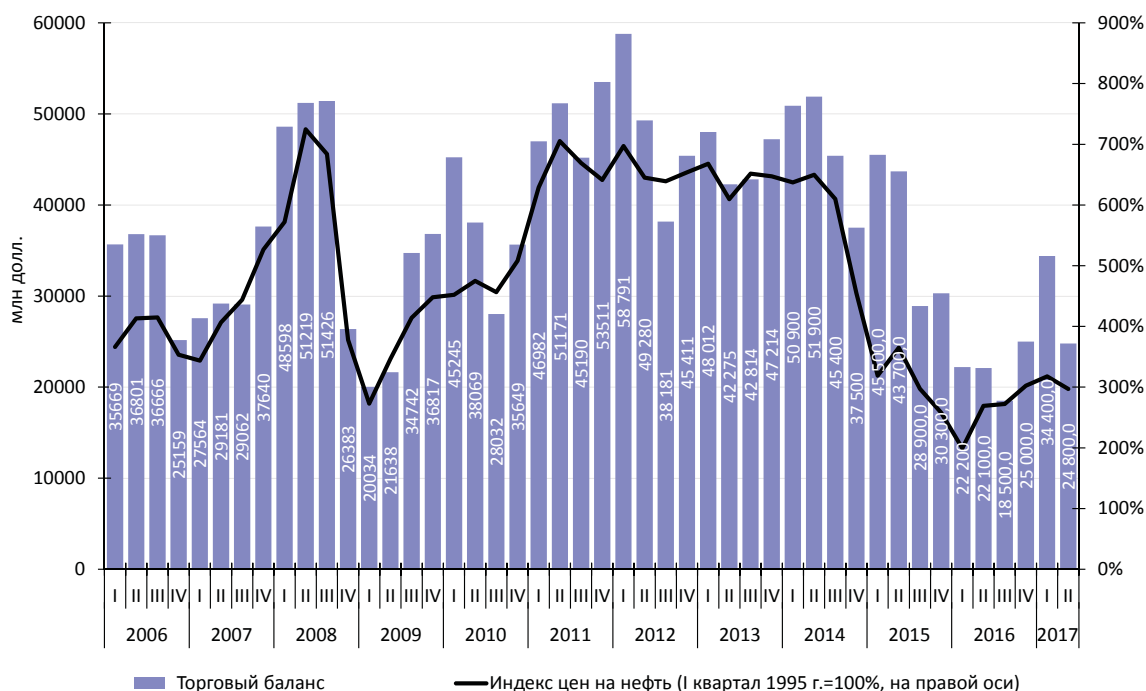

Рис. 1. Торговый баланс РФ и индекс мировых цен на нефть в 2006–2017 гг.

Источник: Банк России, расчеты Института Гайдара.

уголь, черные и цветные металлы, пшеница)¹. При этом цены во II квартале 2017 г. по сравнению с I кварталом изменились незначительно. Но если экспорт во II квартале (83,4 млрд долл.) почти не изменился по сравнению с I кварталом (82,4 млрд долл.), то импорт существенно вырос – на 22% (с 48,0 млрд долл. в I квартале 2017 г. до 58,6 млрд долл. во II), что и обусловило ухудшение торгового баланса. При этом динамика импорта по-прежнему коррелирует с курсом национальной валюты: согласно данным ЦБ РФ, индекс реального эффективного курса рубля к иностранным валютам в 1-м полугодии 2017 г. по отношению к 1-му полугодью 2016 г. составил +26,7%, то есть произошло значительное укрепление рубля, означающее существенное относительное удешевление импортных поставок².

Во-вторых, в апреле–июне наблюдалось ухудшение баланса торговли услугами. Во II квартале 2017 г. он достиг –7,1 млрд долл. (ниже на 39% по сравнению с –5,1 млрд долл. в I квартале 2017 г. и на 18% по сравнению с –6 млрд долл. во II квартале 2016 г.).

И экспорт (главным образом, за счет туризма в Россию и транспортных услуг), и импорт (в основном за счет поездок) услуг выросли во II квартале 2017 г. относительно как предыдущего квартала, так и II квартала 2016 г. Однако более значительный рост импорта по сравнению с экспортом (21,7% и 14,5% соответственно по сравнению с предыдущим кварталом, а также 14,8% и 12,7% по сравнению с аналогичным периодом 2016 г.) обусловил ухудшение отрицательного баланса торговли услугами.

Наконец, во II квартале было зафиксировано ухудшение баланса инвестиционных доходов, который составил –16 млрд долл., по сравнению с –3,9 млрд долл. в I квартале 2017 г. и –12,8 млрд долл. во II квартале 2016 г.

Во II квартале значительно выросли инвестиционные доходы к выплате, причем как относительно предыдущего квартала (рост на 58,6% с 14,0 млрд долл. до 22,2 млрд долл.), так и II квартала 2016 г. (рост на 8,3% с 20,5 млрд долл. до 22,2 млрд долл.). При этом инвестиционные доходы к получению в 1-м полугодии 2017 г. по сравнению с 1-м полугодием 2016 г. не изменились и составили 16,3 млрд долл. Рост доходов к выплате произошел главным образом за счет небанковских организаций и отражает прежде всего сезонное увеличение дивидендных выплат российских компаний.

Остальные составляющие счета текущих операций (баланс оплаты труда, баланс ренты, баланс вторичных доходов) по-прежнему составляют незначительную величину по сравнению с упомянутыми выше основными балансами и их динамика не оказывает значимого влияния на счет текущих операций.

Таким образом, по итогам II квартала 2017 г. произошло традиционное сезонное ухудшение счета текущих операций, связанное как с ростом выплат инвестиционных доходов за границу, так и с импортом услуг, прежде всего туристических. В этом году на сезонные факторы наложились также ускорение роста импорта вследствие укрепления рубля

1 См. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс в первом квартале 2017 года. Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 5. С. 10–13.

2 О влиянии курсовой динамики на торговлю см. также Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля в 2016 году // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 3. С. 8–17.

и снижения мировых цен на нефть. В итоге впервые с III квартала 2013 г. счет текущих операций оказался отрицательным. Однако в условиях плавающего курса рубля это не несет значительных рисков экономической дестабилизации, так как курс рубля постепенно корректируется, удараживая импорт и вновь «выравнивая» платежный баланс.

Дефицит счета текущих операций во II квартале сопровождался профицитом финансового счета, который достиг 10,8 млрд долл. (по сравнению с 1,7 млрд долл. во II квартале 2016 г.). Обязательства российских экономических агентов перед иностранными по итогам апреля–июня увеличились на 4,5 млрд долл. (+3,3 млрд долл. во II квартале прошлого года). Рост иностранных обязательств был обеспечен увеличением прямых иностранных инвестиций в прочие сектора, составившим 9,3 млрд долл. (6,8 млрд долл. во II квартале 2016 г.).

По всей видимости, приток прямых иностранных инвестиций связан с реинвестированием полученных в виде дивидендов доходов. Рост задолженности прочих секторов по статье «ссуды и займы», равный 0,5 млрд долл., был компенсирован снижением портфельных инвестиций на ту же величину. Во II квартале продолжилось погашение внешних обязательств банковского сектора: внешние пассивы банков снизились на 11,7 млрд долл. (на 3,9 млрд долл. в I квартале 2017 г.).

Иностранные активы резидентов (обязательства иностранных экономических агентов перед российскими) сократились за апрель–июнь 2017 г. на 6,3 млрд долл. (в I квартале 2017 г. они выросли на 10,6 млрд долл., а во II квартале прошлого года – на 1,6 млрд долл.). Это произошло прежде всего за счет снижения иностранных активов банковского сектора, составившего 7,0 млрд долл. Напомним, что в I квартале иностранные активы банков выросли на рекордные 13,7 млрд долл., что,

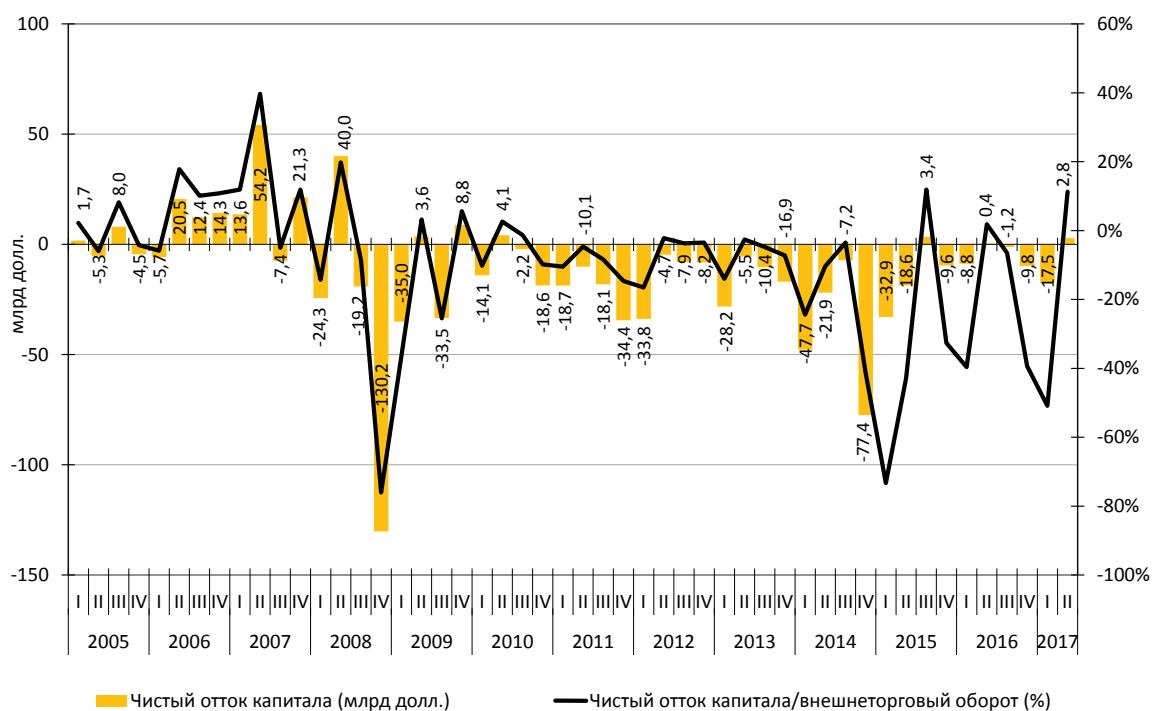

Рис. 2. Чистый отток капитала частного сектора в 2005–2017 гг.

Источник: Банк России, расчеты Института Гайдара.

скорее всего, было связано с предоставлением нерезидентам бридж-кредита в поддержку сделки по приватизации «Роснефти». По всей видимости, во II квартале этот кредит был погашен.

Иностранные активы прочих секторов выросли за апрель–июнь на 0,3 млрд долл. (+7,1 млрд долл. во II квартале 2016 г. и –3,3 млрд долл. в I квартале текущего года). Прямые и портфельные инвестиции прочих секторов увеличились на 1,5 и 0,1 млрд долл. соответственно (6,4 и 2,2 млрд долл. во II квартале 2016 г.).

В целом за II квартал чистый приток частного капитала составил 2,8 млрд долл. по сравнению с 3 млрд долл. во II квартале прошлого и 7,5 млрд долл. в I квартале нынешнего года. При этом величина чистого вывоза капитала банками равнялась 4,7 млрд долл., тогда как небанковский сектор оказался нетто-импортером иностранного капитала в размере 10,4 млрд долл.

В соответствии с данными платежного баланса, увеличение резервных активов за I квартал 2017 г. составило 7,5 млрд долл. (11,3 млрд долл. за I квартал 2017 г.). Это обусловлено преимущественно покупкой Минфином России иностранной валюты на внутреннем валютном рынке, составившей около 5 млрд долл., и погашением валютной задолженности банковского сектора перед ЦБ РФ (2,6 млрд долл. за I квартал 2017 г.).

Таким образом, наблюдаемое на протяжении большей части 1-го полугодия 2017 г. укрепление рубля к доллару в номинальном выражении (на 6,8% до 56,5 руб. за долл. на конец мая 2017 г.) было обусловлено прежде всего ростом положительного сальдо счета текущих операций по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (рис. 3). Переход сальдо текущего счета в область отрицательных значений привел к ослаблению рубля весной–летом этого года. По нашим предварительным оценкам, реальный эффективный курс рубля во II квартале 2017 г. был переоценен на 2,5–3,5% по сравнению с фундаментально обоснованным уровнем, обусловленным динамикой производительности, условий торговли, потоков капитала¹. В связи с этим возврат реального эффективного курса рубля к равновесной траектории при инфляции в России, составляющей 4,4% (июнь 2017 г. к июню 2016 г.) и принимающей в странах-торговых партнерах в среднем значения в интервале 1,5–2,5%, потребует обесценения рубля в номинальном выражении примерно на 5%.

В целом, по нашим оценкам, при сохранении условий торговли примерно на текущем уровне некоторое ослабление рубля вновь вызовет стабилизацию счета текущих операций платежного баланса на уровне около ноля. Более того, в условиях плавающего курса существенные изменения сальдо текущего или финансового счета возможны лишь в краткосрочном периоде при реализации положительных или отрицательных шоков.

¹ В качестве фундаментальных факторов реального эффективного курса рубля мы используем отношение индекса производительности труда России к аналогичному показателю Германии как одного из ключевых торговых партнеров, реальную цену на нефть, иностранные активы частного сектора, долю государственных расходов консолидированного бюджета в ВВП.

2. ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС РФ ВО II КВАРТАЛЕ 2017 ГОДА: САЛЬДО СТАЛО ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ

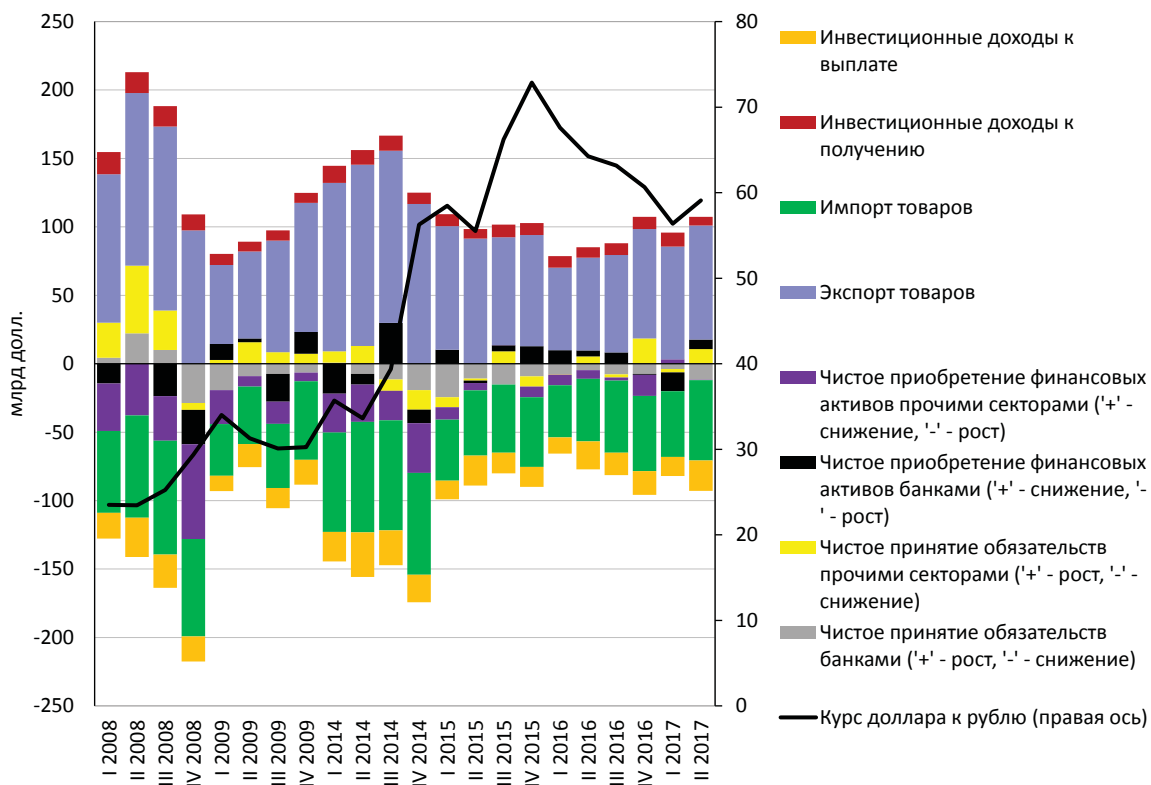

Рис. 3. Основные компоненты платежного баланса РФ и курс рубля к доллару

Источник: ЦБ РФ.

3. ИНДЕКС АДАПТАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВО II КВАРТАЛЕ 2017 ГОДА: ОЦЕНКИ «НОРМАЛЬНЫЕ»

С.Цухло

Завершающая оценка Индекса адаптации (нормальности) для II квартала 2017 г. полностью подтвердила результаты предыдущих расчетов: российская промышленность наращивает адаптацию к валютно-кучей динамике выхода из кризиса 2015–2016 гг. Индекс окончательно закрепился на абсолютном (1994–2017 гг.) максимуме в 76%. Таким образом, более трех четвертей предприятий российской промышленности считают свое текущее состояние «нормальным».

Даже самый болезненный для любого производителя показатель – платежеспособный спрос – получил во II квартале 2017 г. очень высокую оценку предприятий. 64% из них посчитали его «нормальным» в текущих условиях. Этот результат стал 9-летним максимумом показателя.

Оценки запасов готовой продукции в завершившемся квартале начали восстанавливать прежний, кризисный уровень нормальности конца 2016 г. – начала 2017 г., когда промышленность начала пересмотр оценок запасов для этапа возможного выхода из кризиса. Это снизило долю «нормальных» оценок запасов до трехлетнего минимума. Но эйфория быстрого выхода из кризиса в 2017 г. сейчас, похоже, завершилась, и предприятия возвращаются к политике управления своими запасами 2015–2016 гг., для которой характерно поддержание минимального уровня избыточности.

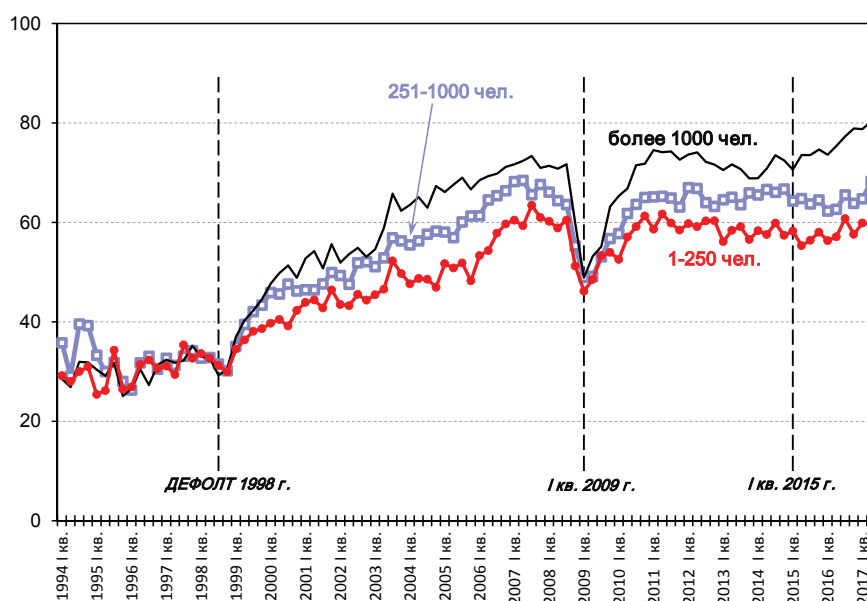

Рис. 1. Индекс адаптации по размерам предприятий, 1994–2017 гг., % (доля предприятий, оценивающих свои показатели как «нормальные»)

Однако очередным успехом адаптации к текущим условиям российская промышленность обязана в основном очень крупным (свыше 1000 чел.) предприятиям. Последние продемонстрировали рост удовлетворенности спросом во II квартале 2017 г. с 60 до 71%. Заметим, что лучший результат в этой группе был получен в 2007 г. и составлял 74%.

Как следствие, крупнейшие российские предприятия (более 1000 чел.) в ходе текущего кризиса весьма высоко оценивают свое финансово-экономическое положение. Доля нормальных оценок этого показателя выросла во II квартале 2017 г. до 96%, тогда как крупные предприятия (251–1000 чел.) удовлетворены своим положением на 77%, а малые и средние (1–250 чел.) – на 66%.

В итоге крупнейшие предприятия продолжают удерживать абсолютное лидерство по приспособлению к экономическим реалиям последних кризисных лет (рис. 1). Индекс адаптации в этой группе производителей достиг очередного абсолютного рекорда в 80%. Сложнее всего дается текущий кризис малым и средним предприятиям. Их групповой Индекс адаптации все десять кризисных кварталов остается в интервале 55–60%, не показывая никаких изменений.

Оценка адаптации к особенностям кризиса зависит, как показывают наши данные, от должностного уровня респондентов. С конца 2014 г. наиболее высоко оценивают уровень адаптации заместители (как правило – по экономическим вопросам) директоров промышленных предприятий. Более того, Индекс адаптации, судя по этой группе респондентов, в конце 2014 г. – начале 2015 г. был стабильно высоким – на уровне исторического (к тому моменту) максимума в 73%. А во II квартале 2017 г. показатель достиг нового рекорда – уже 78% заместителей директоров считали положение своих предприятий нормальным.

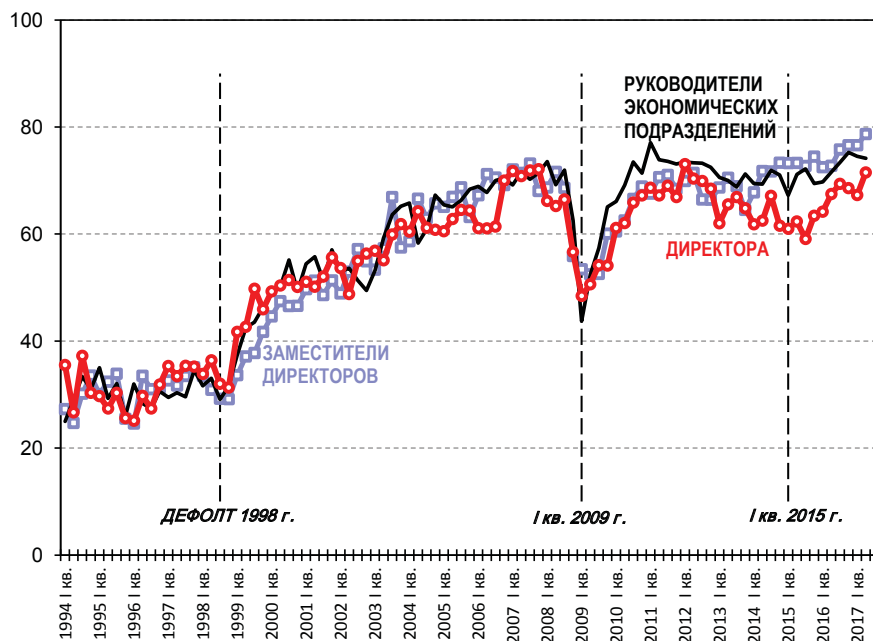

Рис. 2. Индекс адаптации по должностному уровню, 1994–2017 гг., % (доля предприятий, оценивающих свои показатели как «нормальные»)

Близкие результаты в 2016–2017 гг. показывали руководители экономических подразделений (рис. 2). Однако начало кризиса в 2015 г. было, по их оценке, тяжелым: групповой Индекс адаптации снизился до 5-летнего минимума в 67%. Но затем стал увеличиваться и достиг сейчас 75%. С точки зрения директоров предприятий, кризис преодолевается сложнее. Адаптация в начале 2015 г., по их оценке, составляла 61%, в III квартале 2015 г. снизилась до 59%. Но уже в середине 2016 г. поднялась до 69%, а сейчас составляет 72%. ●

4. ДОХОДЫ И УРОВЕНЬ БЕДНОСТИ: СТАГНАЦИЯ И ОСТОРОЖНЫЙ ОПТИМИЗМ

Е.Гришина

В июне 2017 г. реальные располагаемые денежные доходы населения не изменились по сравнению с июнем 2016 г. Отсутствие сокращения реальных доходов наблюдается впервые с января 2016 г. (если не считать январь 2017 г.). Уровень бедности в I квартале 2017 г. снизился по сравнению с I кварталом и 2015 г., и 2016 г. В 1-м полугодии 2017 г. по сравнению с 1-м полугодием 2016 г. увеличился объем потребительских кредитов физическим лицам, причем рост кредитов был значительно больше в регионах с высоким уровнем бедности. По сравнению с 2016 г. население стало более позитивно оценивать динамику своего материального положения, сократилась доля лиц, экономящих на покупке еды, одежды и обуви.

В июне 2017 г. реальные располагаемые денежные доходы населения не изменились по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. При этом реальная начисленная заработная плата выросла по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. на 2,9% (рис. 1).

Отсутствие падения реальных доходов наблюдается впервые с января 2016 г., если не считать январь 2017 г., когда их рост на 8,2% был обусловлен единовременной выплатой пенсионерам в размере 5 тыс. руб. Однако это пока не позволяет сделать оптимистичный вывод о переломе тенденции к сокращению реальных денежных доходов и восстановлению их роста.

В целом в 1-м полугодии 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года реальные располагаемые денежные доходы населения сократились на 1,4%, в то время как реальная заработная плата увеличилась на 2,7%. Это означает, что рост реальной заработной платы не смог компенсировать сокращение реальных денежных доходов населения, что может быть обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, необходимо напомнить о существовании «статистических ловушек». Данные по заработной плате и располагаемым денежным доходам населения опираются на различные методы статистического наблюдения – прямой статистический учет (заработная плата) и обследования населения (совокупные денежные доходы населения). Кроме того, при определении показателей заработной платы и доходов населения используются статистические дооценки. В связи с этим сопоставление показателей заработной платы и доходов населения не всегда дает

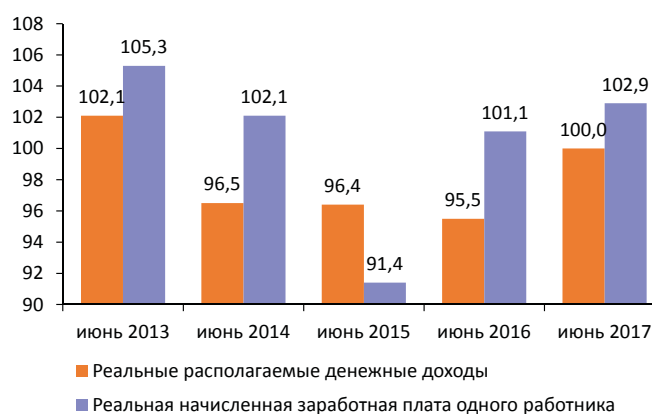

Рис. 1. Динамика реальных располагаемых денежных доходов населения и реальной назначенной заработной платы, в июне 2013–2017 гг., в % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: Росстат.

исчерпывающую диагностику и должно проводиться с учетом возможных статистических погрешностей формирования указанных показателей.

Во-вторых, устойчивый рост реальной заработной платы отмечается менее года (с августа 2016 г.) и пока не привел к восстановлению ее докризисного уровня. Так, в мае 2017 г. реальная заработная плата составила 96,1% от уровня мая 2014 г., при этом реальный размер назначенных пенсий составил лишь 91,9% от уровня мая 2014 г. Реальные размеры социальных пособий также снижались в отмеченный период, причем еще в большей степени, чем пенсии, падение которых смягчила единовременная выплата пенсионерам в январе 2017 г. Таким образом, снижение в реальном выражении размера пенсий и социальных выплат на фоне роста реальной заработной платы сдерживало возможности для роста реальных денежных доходов населения.

В-третьих, сокращение реальных доходов населения на фоне роста наблюдаемой реальной заработной платы может свидетельствовать о снижении заработной платы в неформальном секторе экономики.

В-четвертых, можно предположить, что происходит перераспределение между наблюдаемым и ненаблюдаемым фондами оплаты труда в пользу наблюдаемого. Однако более надежные выводы можно будет сделать лишь при анализе годовой статистики по системе национальных счетов.

В-пятых, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что было бы неверно делать окончательные выводы при анализе динамики помесечных показателей. Месячные показатели реальных доходов населения, заработной платы и пенсий за прошлые периоды часто корректируются Росстатом, причем иногда существенным образом (так, например, за март 2017 г. реальная заработная плата была скорректирована в сторону повышения на 1,7%). Поэтому более надежными для окончательных выводов являются годовые данные.

Что касается реального размера назначенных пенсий, то в мае 2017 г. он составил 100,0% от уровня предыдущего года. Это выше уровня, зафиксированного в мае 2015 г., но ниже майского уровня в 2012–2014 гг. В январе–мае 2017 г. рост реального размера назначенных пенсий составил 7,2% по сравнению с аналогичным периодом 2016 г., что обусловлено предоставлением единовременной выплаты пенсионерам в январе 2017 г.

В целом по Российской Федерации доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, которая служит официальным измерителем масштаба бедности, в I квартале 2017 г. составила 15,0%. Это ниже уровня I квартала 2015 г. и 2016 г., однако выше уровня аналогичного периода 2012–2014 гг.¹ На фоне низких цен на плодоовощную продукцию рост величины прожиточного минимума был невысоким (рост величины прожиточного минимума в I квартале 2017 г. относительно I квартала 2016 г. составил 1,6% в номинальном выражении, в то время как индекс потребительских цен на товары и услуги в I квартале 2017 г. рос существенно быстрее и составил 104,6% к I кварталу 2016 г.). В итоге это привело к некоторому снижению уровня бедности.

1 О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в I квартале 2017 года. / Росстат.

Динамика уровня бедности существенно различается по регионам. В целом с 2013 г. по 2016 г. уровень бедности увеличился в России в 1,25 раза (с 10,8% до 13,5%). При этом в 28 регионах уровень бедности увеличился с 2013 г. по 2016 г. в 1,10–1,19 раза, в 20 регионах – в 1,20–1,29 раза и еще в 8 регионах (Пермском и Забайкальском краях, Ненецком автономном округе, Республиках Кабардино-Балкария и Ингушетия, Астраханской и Тюменской областях) он увеличился за тот же период в 1,30 раза и более (рис. 2). Менее чем в 1,10 раза вырос уровень бедности в 23 регионах, и лишь в 7 регионах (Республиках Калмыкия и Чечня, Костромской и Ленинградской областях, Приморском и Хабаровском краях, а также г. Санкт-Петербурге) в 2016 г. по сравнению с 2013 г. уровень бедности не изменился или даже несколько снизился.

Привыкание населения к вялотекущему кризису (в том числе к стабильному небольшому снижению реальных доходов) привело к тому, что граждане уже не ощущают резкого ухудшения своего материального положения. Данные ФОМ¹ показывают, что население стало более позитивно оценивать динамику своего материального положения: если в июле 2015 г. и 2016 г. доля лиц, считающих, что их материальное положение за последние два-три месяца ухудшилось составляло соответственно 44 и 32%, то в июле 2017 г. – 28%. Доля лиц, указывающих, что их материальное положение за последние два-три месяца практически не изменилось, составила в июле 2017 г. 64% (для сравнения: в июле 2015 г. – 50%, а в июле 2016 г. – 60%).

Длительность негативных явлений в экономике привела к тому, что граждане не могут далее сокращать свое потребление. Данные исследования Института социологии РАН² говорят о том, что доля лиц, экономящих на еде, а также покупке одежды и обуви, сократилась весной 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, соответственно, с 51 до 35% и с 61 до 47%. Наиболее распространенной стратегией улучшения своего материального положения для населения стало производство продукции в личном подсобном хозяйстве: весной 2017 г. этим занималась почти треть респон-

1 ФОМ, данные опросов «ФОМнибус», июль 2015–2017 гг., выборка 1500 респондентов.

2 Известия. Россияне адаптировались к экономической ситуации, 11.07.17, <https://iz.ru/616017/kiirill-kudrin/rossiian-spasaet-ogorod>

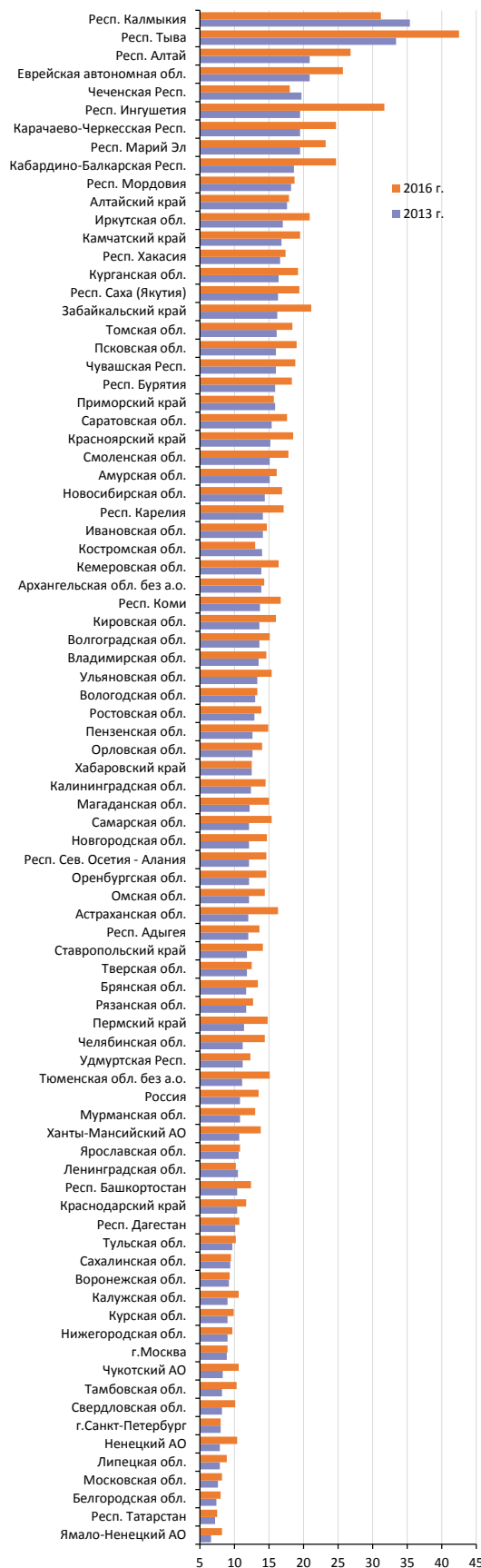

Рис. 2. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %
Источник: Росстат.

дентов (32%) (весной 2014 г. лишь 20%). Таким образом, в поведении граждан преобладают в основном архаичные формы улучшения своего материального положения, распространенные еще в ходе кризиса «выживания» в 1990-х годах, а не активные инновационные практики.

Что касается представителей среднего класса, то во II квартале 2017 г. доля тех из них, кто сэкономил на питании вне дома, составила 69% (в аналогичный период 2016 г. – 73%)¹. При этом 63% представителей среднего класса старались экономить на отдыхе (во II квартале 2016 г. – 60%). Таким образом, представители среднего класса также затронуты кризисом и вынуждены менять стратегии своего потребительского поведения.

По данным Банка России, объем вкладов населения за 1-е полугодие 2017 г. вырос на 4,3% (в аналогичный период 2016 г. объем вкладов населения сократился на 0,7%)². Однако это не означает, что сбережения увеличились у всех доходных групп. По данным Агентства по страхованию вкладов, вклады свыше 700 тыс. руб. составляют более 60% всего их объема³ и поэтому динамика крупных вкладов оказывает решающее влияние на средние показатели. Так, по сравнению с I кварталом 2013 г. в I квартале 2017 г. доля вкладов менее 100 тыс. руб. сократилась с 13,6 до 8,6%, в то время как доля вкладов свыше 700 тыс. руб. увеличилась с 47,2 до 61,5%⁴. Что свидетельствует о преимущественном росте вкладов более обеспеченных слоев населения. В июне 2017 г. кредиты физическим лицам увеличились за месяц на 1,1%. В целом за 1-е полугодие 2017 г. кредиты физическим лицами увеличились на 3,8% (за аналогичный период прошлого года кредиты снизились на 1,0%)

Национальное бюро кредитных историй отмечает, что в 1-м полугодии 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. объем выданных потребительских кредитов увеличился на 38,4%, а количество выданных потребительских кредитов – на 28,9%⁵.

Проведенный анализ показывает, что рост объема кредитов физическим лицам был выше в регионах с более высоким уровнем бедности (рис. 3).

Таким образом, население частично пытается компенсировать длительное снижение реальных

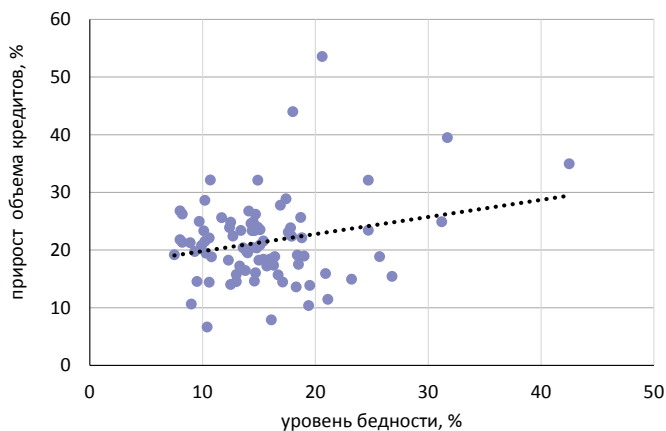

Рис. 3. Распределение регионов в зависимости от уровня бедности в 2016 г. и прироста объема кредитов, предоставленных физическим лицам в январе–мае 2017 г. относительно аналогичного периода 2016 г.
Источник: расчеты автора по данным Росстата и Банка России.

1 Sberbank CIB, Обновление потребительского индекса Иванова, 11.07.2017, <https://sberbank-cib.ru/rus/about/news/index.wbp?number=2589>

2 Центральный банк Российской Федерации. О динамике развития банковского сектора Российской Федерации в июне 2016 г. и 2017 г.

3 Агентство по страхованию вкладов. Анализ рынка вкладов физических лиц в I квартале 2017 года, 22.05.2017, https://www.asv.org.ru/agency/for_press/pr/473533/

4 Агентство по страхованию вкладов, Анализ рынка вкладов физических лиц в I квартале 2013 года, 13.05.2013, https://www.asv.org.ru/agency/for_press/pr/296217/

5 Национальное бюро кредитных историй. НБКИ: в 1 полугодии 2017 года банки выдали потребительских кредитов почти на 1 триллион рублей, 19.07.2017, <https://www.nbki.ru/press/pressrelease/?id=21373>

денежных доходов заемными средствами. Более высокий прирост объема кредитов физическим лицам в бедных регионах свидетельствует о том, что заемные средства для низкообеспеченных слоев становятся реальным способом поддержки хоть сколько-нибудь приемлемого уровня жизни. ●

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Божечкова А., заведующая лабораторией денежно-кредитной политики Института Гайдара, старший научный сотрудник ИПЭИ РАНХиГС

Горшкова Т., научный сотрудник лаборатории макроэкономического прогнозирования ИПЭИ РАНХиГС

Гришина Е., заведующая лабораторией исследований пенсионных систем и актуарного прогнозирования социальной сферы РАНХиГС

Дробышевский С., директор по научной работе Института Гайдара

Кнобель А., заведующий лабораторией международной торговли Института Гайдара, директор Центра исследований международной торговли ИПЭИ РАНХиГС

Трунин П., руководитель Научного направления «Макроэкономика и финансы» Института Гайдара, ведущий научный сотрудник Центра изучения проблем центральных банков ИПЭИ РАНХиГС

Турунцева М., заведующая лабораторией макроэкономического прогнозирования ИПЭИ РАНХиГС

Хромов М., заведующий лабораторией финансовых исследований Института Гайдара, старший научный сотрудник лаборатории структурных исследований ИПЭИ РАНХиГС

Цухло С., заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института Гайдара